

Разведчик Ладейников в картине «Мертвый сезон», председатель сельского Совета Вайткус из ленты «Никто не хотел умирать», итальянский летчик Мариано в «Красной палатке», герцог Олбэнский в «Короле Лире», Гойя и Бетховен в одноименных фильмах... Не менее интересны роли, сыгранные в Паневежском драматическом театре, — Давыдов в «Поднятой целине», солдат Бекман в спектакле «Там за дверью», Вилли Ломен («Смерть коммивояжера»).... Более ста ролей в театре, 40 или чуть больше в кино. Все они «прожиты» одним человеком — народным артистом СССР, лауреатом Государственных премий СССР **ДОНАТАСОМ БАНИОНИСОМ**. Сегодня он гость нашего Клуба.

чтобы, глядя на Ладейникова, зрители говорили — какой он ловкий (во всех отношениях), прямо Джеймс Бонд. Мне хотелось создать образ обыкновенного человека, вселить в этого человека уверенность, показать: Ладейников такой же, как и ты, если у тебя есть что защищать. Это внутренняя пружина образа. А внешне... Мне надо было

Донатас БАНИОНИС:

ВЫСТУПАТЬ ТАК, ЧТОБЫ ЗРИТЕЛЬ АХНУЛ

— Вот уже несколько лет вы, Донатас Юозович, выступаете еще в одной роли — главного режиссера и художественного руководителя Паневежского драматического театра.

— Так вот получилось. Я принял творческую эстафету от моего учителя, замечательного советского режиссера, народного артиста СССР Юозаса Мильтиниса. За сорок с лишним лет существования нашего театра в нем сложились добрые, прекрасные традиции. Мне они чрезвычайно дороги, и я хочу сохранить их, развить, передать молодым артистам. Новая моя «роль» хоть и хлопотная, но очень ответственная, серьезная, и (смеется), пожалуй, самая большая в моей актерской биографии.

— Хотелось бы вернуться назад, к началу вашего творческого пути.

— Детство и юность мои прошли в Каунасе. Уже тогда это был спортивный город — футбол, баскетбол, завоевывал популярность настольный теннис. В те годы мы, мальчишки, все свободное время отдавали спорту. Создавали команды, разбивали площадки, ходили на стадион. Знали всех наших любимцев — баскетболистов, футболистов. Болели за них и старались подражать им. Помню, как симпатизировал я футбольной команде «Ковас», как аплодировал легкоатлету, пробежавшему стометровку за 11,5, и прыгуну, покорившему высоту 1 м 85 см. Мне это было недоступно, но игры — баскетбол, настольный теннис любил и даже защищал честь ремесленного училища, в котором постигал тайны керамического искусства. И мечтал о театре, о сцене.

Мечта сбылась. В 1940 году, сразу после восстановления в Литве Советской власти, в небольшом провинциальном городке Паневежисе был открыт профессиональный драматический театр. В него пришла рабочая молодежь, пришли мои товарищи по училищу. Мы были снова вместе — вместе жили в общежитии, затаив дыхание, слушали лекции, а то и просто беседы «отца» нашего театра Юозаса Мильтиниса, учились, репетировали, играли спектакли. Все это дала нам, простым литовским парням, Советская власть.

За эту власть боролся и мой отец. Он участвовал в революции 1905—1907 годов. В 1918 году стал членом Вилкавишкского ревкома, потом членом райкома партии. В годы Великой Отечественной войны находился в подполье, а после Победы вернулся на партийную работу.

— Помните ли вы свою первую роль?

— Конечно. Я сыграл своего ровесника, школьника. Мне был близок, понятен мой герой — фактически играл самого себя. Режиссер сдержанно похвалил меня, я был счастлив. Наивно полагал — я уже артист, все могу. Трудности начались сразу же, когда понял: одного вдохновения недостаточно, нужно серьезно учиться актерскому делу.

Настоящий художник, Мастер творит трудно. Я не согласен, когда говорят: творчество — это радость. Это тяжелый труд, муки, сомнения. Радость бывает потом,

Эпизодом памяти "Свободный спорт" — эпизодом спортивной, зрительской радости, радости творчества!
Донатас Банюнис

позже, когда и сил-то радоваться нет...

— Вы сказали в начале нашей беседы о том, что в юности увлекались спортом. Сохранилось ли это увлечение?

— Кто в молодости не играл в футбол или волейбол, не плавал или не ходил на лыжах? Я не исключение. Хотя, когда только начал заниматься в студии у Мильтиниса, учеба настолько поглотила меня, что о спорте забыл. Да и некогда было — мы учились, играли в спектаклях, спорили до утра.

Прошло несколько лет. Однажды почувствовал, что с трудом доиграл третий акт. Долго сидел в гримерной, не мог отдышаться. Подумалось: «Куда это годится?». Надо серьезно заняться собой, вернуться к прежней, скажу откровенно, не такой уж плохой в физическом отношении, форме. Пошли в ход известные средства — гимнастика, бег, плавание. Упражнялся со штангой, играл в теннис. Результаты не замедлили сказаться: чувствую себя бодрым, подтянутым, свежим. Кстати, многие мои коллеги и друзья — артисты Будрайтис и Адомайтис, поэт Межелайтис да и другие деятели искусства не порывают дружбы со спортом, черпая в нем силы и вдохновение.

— Вы много снимались. Были ли в вашей кинематографической биографии роли, требующие определенной спортивной подготовки?

— Должен заметить, что съемки фильма вообще сложный, поглощающий немало сил, процесс. Мне, да и вам, известны актеры — и наши, и зарубежные, которые самые трудные трюки выполняют без дублеров

Когда я снимался в «Мертвом сезоне», мне очень не хотелось,

не просто хорошо водить машину, а делать это, что называется, лихо — помните кадры, когда на полном ходу одна машина врзается в другую, и обе, кувыркаясь, летят под откос? Надо было освоить приемы дзюдо — в драке с нацистом Хассом очень пригодилось. Моими наставниками были автогонщики, борцы. Спасибо им за науку!

А вот в «Короле Лире»... (Банюнис умолк на минуту, улыбнулся). Никак с лошадей справиться не мог. Не слушалась она меня. И морковку давал, и сахар. Уговаривал: к камере надо, вперед. А она стояла как вкопанная. Еле-еле отсняли эпизод. А ведь брал уроки верховой езды...

Но независимо от того, приходится артисту по роли выполнять те или иные, связанные с определенной физической подготовкой трюки, он всегда должен быть в форме — от этого зависит внутреннее состояние актера, его способность выложиться до конца в каждом дубле.

— Часто проводят параллель между искусством и спортом...

— Вижу правомерность этой параллели. У актеров и спортсменов так много общего! Стремление к полной отдаче, к достижению результата. А сколько разочарований, мук, слез бывает и у нас, и у спортсменов! Режиссер и тренер, ведущие свои «команды» к победе — творческой, спортивной! И мы, артисты, должны преодолевать себя, выступать так, чтобы зритель ахнул, как будто бы ты взял высоту. Мы тоже, как и спортсмены, хотим быть первыми. А для этого надо работать — страстно, ярко, горячо.

— Ваш учитель Юозас Мильтинис любил повторять: «Не верьте слишком восторженным зрителям. Пройдет совсем немного времени, и они найдут себе другого кумира».

— Понимаю, о чем вы хотите спросить. Я — за аплодисменты, за внимание зрителей. Но без истерики, без экзальтации, без фанатизма. Стыдно бывает, когда во Дворце спорта некоторые болельщики освистывают игроков, что-то источно кричат. Стыдно, когда так называемые «поблконницы» поджидают своих кумиров у подъездов, следят за каждым их шагом. Я за настоящих зрителей, увлеченных искусством и спортом. Ради них покоряем мы свои вершины — в искусстве, в спорте.

Беседу вел
С. Пальмова
(Наш спец. корр.).

ПАНЕВЕЖИС,
ЛИТОВСКАЯ ССР.